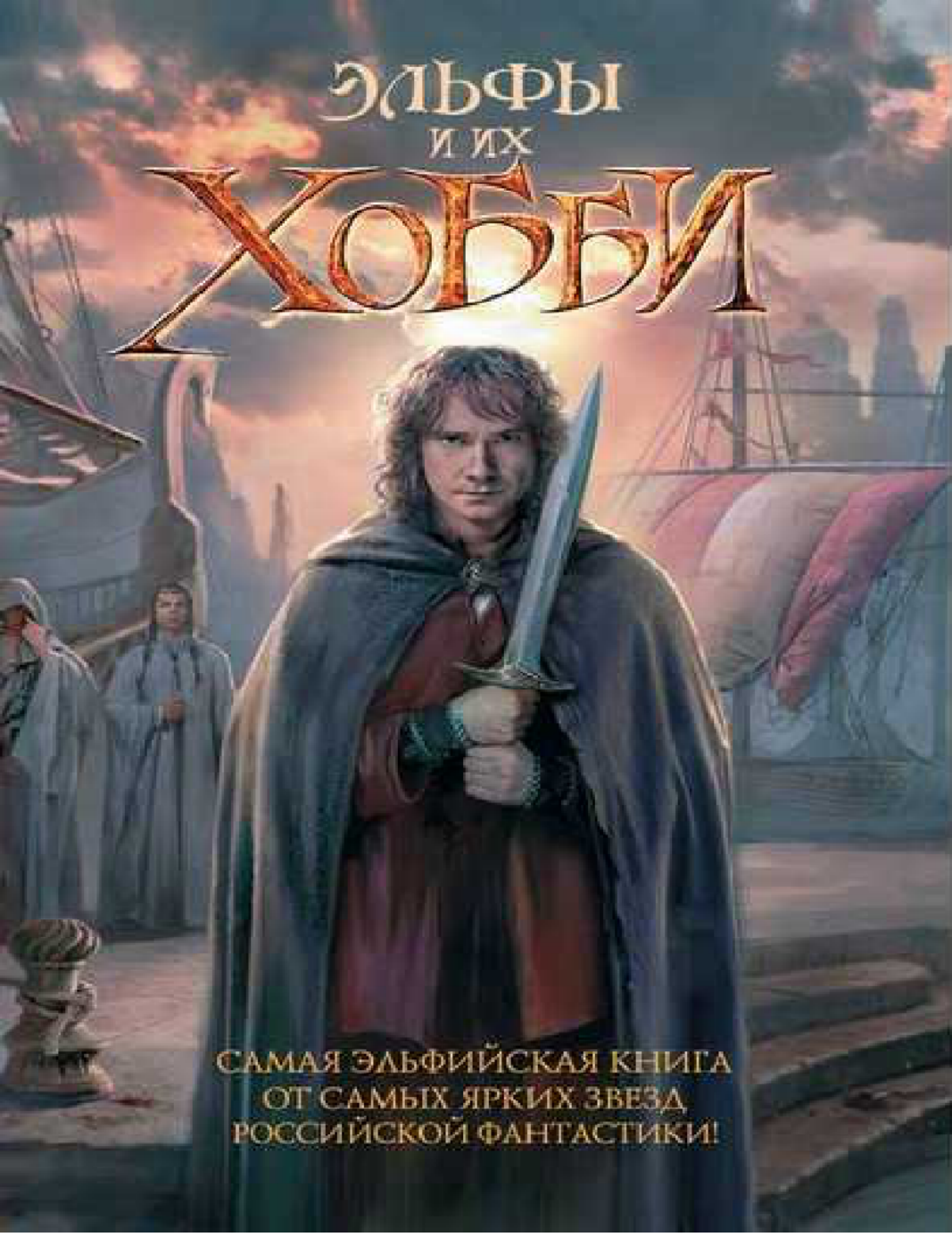
ЭЛЬФЫ
И ИХ
ХОББИ
САМАЯ ЭЛЬФИЙСКАЯ КНИГА
ОТ САМЫХ ЯРКИХ ЗВЕЗД
РОССИЙСКОЙ ФАНТАСТИКИ!

SHOUT
SHARE
IT

- Вячеслав Шторм
  -
- notes
  - 1

Вячеслав Шторм
Арфа королей

Сердце мое осталось в безбрежных вересковых холмах,
Там, где поют шиповник и дрок в тенистых густых лесах,
Там, где травы полны росой, где даже в сумерках свет,
Где из-под земли слышится песня вот уже много лет[1].

Когда-то эти места звались Эвальд Маддок. Быть может, на какой-нибудь из старых карт или на станицах Изначальных Летописей и поныне сохранилось это название — Добрая Дубрава. Записанное тонкими легкими рунами Первых, похожими на естественный узор отполированного дерева, в те дни, когда оно еще было справедливым. Пока на эту землю не пришел человек. И еще некоторое время спустя.

Как бы там ни было, это случилось так давно, что ныне даже старики не помнили, чтобы земли вокруг Да Коеннач назывались как-то иначе, кроме Тивак Калли.

Мрачный Лес.

Лес, на границе которого заканчивается господство жаркого огня и хладного железа.

Лес, откуда не возвращаются…

* * *

Ущербная луна хищно косилась с небосвода, словно облизывая холодным светом обледеневшую землю. Где-то далеко, в Ледяных Кряжах, прокатился протяжный волчий вой, в стократ усиленный эхом. Будто отвечая ему, громко заскрипели под внезапно налетевшим ветром голые ветви деревьев. Пар от дыхания оседал инеем на бородах и гривах.

— Зачем ты пришел сюда, господин людей?

Ехавший первым всадник вздрогнул и с трудом сдержал своего беснующегося жеребца. Окружавшие его воины схватились за оружие, поднимая выше факелы.

— Кто ты? — хрипло вопросил вождь, ибо все в его облике и манере держаться указывало на это.

Смех был еще холоднее, чем голос:

— А как ты думаешь, король Бриан? Спроси это у своего коня,

который сейчас больше всего на свете хочет мчаться отсюда прочь. Спроси у темной лесной чащи и бездонных седых болот!

Непроизвольно король вздрогнул. И вновь прозвучал смех, который мог принадлежать как мужчине, так и женщине, и при этом — ни одному из них.

Жалящий смех фэйри.

— Да, вижу, ты знаешь меня. А раз так, то я имею право спросить: что ты и твои люди делаете в моих владениях?

— Мы просто охотились и сбились с дороги в буране, — хмуро отозвался Лонн, сын Дули. Он был очень силен, правая рука короля Бриана, а о его бесстрашии слагались легенды, но и он с трудом сдерживал дрожь.

В голосе ветра, в скрипе деревьев, в шквале снежинок, колющих лица, — во всем чувствовался еле сдерживаемый гнев.

— Охота ночью в Мрачном Лесу? Странно слышать такое. Дорого стоит моя дичь, Лонн из Каэр Ши, и нелегко получить ее. Может быть поэтому вы взяли на охоту топоры, мечи и боевые копья? А ваши кольчуги и шлемы, что так холодны сейчас — от какой дичи должны защищать они?

Король Бриан спрыгнул с коня и прошел немного вперед. Да, он был могучий человек и доблестный воин, владетель Каэр Ши. Страх не отметил его голоса, когда он заговорил.

— Ты прав, Хозяин Леса. Не гневайся на Лонна, который говорил так лишь из незнания и желания защитить меня. Я искал тебя и только тебя.

Вновь завыл ветер, и в центре снежного вихря, завертевшегося над землей, появилась невысокая фигура. В тот же миг стих ветер, прекратился снег.

— По крайней мере, ты достаточно смел, чтобы признаться в этом. Подойди.

Бриан сделал шаг вперед, и верный Лонн шагнул следом.

— Останься! — не оборачиваясь, приказал господин, и воин, заворчав, словно пес, которого оттащили от окровавленной добычи, подчинился.

— Да, ты смел, — повторил фэйри. — Что же ты хочешь от меня, человек королевской крови?

— Я слышал, что у тебя хранится Арфа. Арфа Королей.

Фэйри — седобородый старик в снежной мантии — задумчиво покачал головой и надолго замолчал. Бриан терпеливо ждал, стараясь отрешиться от жгучих пальцев холода, шарящих по его телу. Кольчуга, несмотря на медвежью шубу, холодила сердце, огромный меч за плечами тянул к земле.

— Арфа Королей, — вновь заговорил фэйри. — Да, она действительно у меня… Но что в том тебе, господин Каэр Ши?

Или недостает у тебя арфистов?

Темно-серые глаза Хозяина Леса, казалось, заглядывали прямо в человеческую душу.

— Эта Арфа принадлежала отцу моего отца, а тот получил ее от своего деда… Кто, как не я, должен владеть ею?

Фейри нахмурился; словно почуяв это, вновь пошел снег.

— А знаешь ли ты, король, кто сделал эту Арфу?

Холод все сильнее сжимал сердце Бриана, но голос короля по-прежнему был тверд:

— Я знаю, ее сделали руки твоего народа. Это был дар — дар первому королю людей, что сделал Холмы своим домом.

Древнее и юное одновременно лицо на миг осветила улыбка.

— Это так. В те времена все было по-другому: и места, и люди, и даже мы. Неправы те, кто говорит, будто Первые не меняются… Я помню первого короля, который получил от нас Арфу и право для себя и своих потомков входить в Лес. Входить — и возвращаться живым. Первый и единственный дар фэйри человеку. Ответь мне, Бриан, почему?

— Он был другом вам, так говорили…

— А что такое «друг»?

Бриан не смог ответить. Король, который имел врагов, союзников и слуг. Человек, не имевший друзей.

— Тогда я скажу тебе. Твой предок не нарушал покоя нашего Леса…

— Но ведь и мои люди не делают этого, — перебил фэйри Бриан.

Снег повалил гуще.

— Твои люди не входят в Тивак Калли из страха. Что же такое друг?

И вновь король не ответил — он боролся с цепенящим холодом.

— Твой предок приходил к нам один, безоружный, ты же источаешь горечь железа, а за спиной твоей воины дрожат от нетерпения, как гончие, почуявшие оленя.

— Я никогда не оскорблял никого из твоего народа.

Первый покачал головой:

— Хорошо, оставим это. Ты не смог ответить на мой вопрос, тогда скажи: как случилось, что Арфа-подарок вновь оказалась у меня?

Бриан покачнулся; Лонн рванулся к нему, но его остановил резкий окрик.

— Арфа… перестала играть. Лучшие барды пытались заставить ее петь, а она молчала… и тогда мой отец… Он крикнул, чтобы… чтобы вы забирали назад свой бесполезный дар.

А наутро Арфа исчезла.

Ветер разметал белые волосы фэйри. Снег лепил в глаза, а ветви деревьев угрожающе склонялись, словно желая раздавить людей.

— В твоих словах был ответ, король. Вы пытались *заставить* петь арфу, помнящую тепло наших рук, сделанную под кронами Эвальд Маддока… А знаешь, почему она замолчала?

Бриан упал на колени.

— Твой предок, получив от нас Арфу, поклялся за себя и своих потомков: никогда не будут ее струны призывать к войне. Ты помнишь это, человек? Помнишь, сын клятвопреступника?

Подбежавший Лонн успел подхватить падающего навзничь господина. Руки воина, защищенные волчьими рукавицами, обожгло неземным холодом.

— Ты убил его!

Фэйри покачал головой:

— Он жив. Встань, господин Каэр Ши.

Бриан поднялся, опираясь слабой рукой на плечо верного слуги.

— Я возвращаю тебе Арфу, если таково твое желание. Возьми!

Конь короля, дико заржав, шарахнулся в сторону — прямо под его передними копытами появилась простая деревянная арфа.

— Но это же не она! — изумление короля превышало слабость. — Я помню великую Арфу Королей, она вся была изукрашена золотом и драгоценными каменьями…

Последнее слово, сорвавшись с губ Бриана тонкой льдинкой, еще падало в снег, а фэйри и арфа уже исчезли…

* * *

Сердце мое, оставь свою битву — ныне проигран бой.
Пусть победитель возьмет нашу крепость, мы же уйдем с тобой
Туда, где под солнцем травы шумят и озера синее небес.
Туда, где среди высоких холмов стоит зачарованный лес.

Ветер с Ледяных Кряжей нес запах возрождения. Запах весны. Старый лес набухал почками, звенел ручьями, просыпающимися после лютой зимы, расцветал голосами птиц.

Из кустов дрока выскочила лань и помчалась большими скачками прочь. Миг спустя кусты вновь раздвинулись, и из них

вышел человек. На его суровом, иссеченном шрамами лице застыла по-детски восхищенная улыбка. Подойдя к многовековому дубу, он приложил ладонь к шершавой коре и закрыл глаза.

— Здравствуй, человек.

Он вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стояла девочка.

— Госпожа, — поклонился он, прижав руку к сердцу.

— Я вижу, ты знаешь меня.

Окинув взглядом ее стройную фигурку, закутанную во что-то полупрозрачное небесно-голубого цвета, водопад струящихся по плечам волос и огромные бездонные глаза, человек вновь поклонился.

— Даже если бы и не знал, то вижу сейчас. Я искал тебя, Госпожа.

— Немногие ищут меня по своей воле, Тиарн. И еще меньше — находят. Что же привело тебя сюда, воин без оружия?

— Я оставил его на опушке леса, — ничуть не смутившись от этих слов, ответил человек. — Ведь вы не любите железа.

Ветер словно погладил его по щеке.

— Учтивые речи гостя услаждают слух. Учтивые речи друга радуют сердце. Если я могу чем-то помочь тебе — говори.

Тиарн облизал почему-то пересохшие губы.

— Госпожа, я пришел просить тебя об услуге.

Фэйри бархатисто рассмеялась и присела на большой камень. У ее босых ног мгновенно распустились цветы.

— Услуге? Что же мой народ может дать величайшему воину людей?

— Арфу. Арфу Королей.

Удивление промелькнуло в бессмертных глазах быстрее, чем его смог уловить человеческий взгляд.

— Арфу?

— Да, — твердо ответил воин, ища на поясе рукоять меча, и не осознавая этого. — Если бы ты покинула свои владения, Госпожа, то увидела бы пылающие дома и крепости. Горький дым застилает небо, а земля стонет под поступью великого войска.

— Что нам до войн людей?

— Там, где пронеслась стальная река, остаются лишь безжизненные пустоши. Скоро она докатится и сюда.

— Ни один из тех, кто войдет в этот лес без нашей воли, не вернется.

В черных глазах Тиарна отразилось отчаянье.

— Крепость господина моего ни разу за двенадцать поколений не была взята, но теперь не выстоит даже она! Мы заберем с собой стольких врагов, скольких сумеем, но женщины,

дети…

— Женщины… Точнее — одна женщина. Ты ведь пришел сюда из-за нее?

— Да. Ее зовут Мойра. Из легенд знаю я, что песня Арфы Королей способна останавливать армии. Там, где она звучит, смолкают мечи.

— Возможно…

Фейри опустила руку за камень, а, вновь подняв, держала в ней арфу.

— Вот та, которую люди зовут Арфой Королей. Ты сможешь унести ее?

Воин протянул руку; пальцы девочки разжались.

Арфа упала на землю.

Тиарн смотрел то на тоненькую нежную руку фэйри, без каких-либо усилий державшую инструмент, то на свою — перевитую узлами могучих мышц, и ужас отчаянья плескался в его глазах.

— Хочешь попытаться еще раз?

Воин покачал головой:

— Нет. Прости, что зря нарушил твой покой. Арфа… для меня недоступна. Мы обречены.

Девочка с вечными глазами легко прикоснулась к его щеке. Палец ее стал влажным.

— Не плачь, воин, и не вини себя. Впервые после твоего великого предка Арфа могла бы принадлежать достойному, и в том, что она не приняла тебя, нет твоей вины. Даже мой народ не может изменять то, что должно сбыться. Иди, Тиарн, потомок королей, верши свою судьбу. А Арфа останется здесь и будет ждать того, кто придет за ней. Того, кто будет смотреть на мир твоими глазами…

* * *

Пусть же останутся за спиной дали седых дорог,
Пусть протекают неспешно года — но не кончится срок,
Пока не увижу ручей я с гор и тени седых облаков,
Неслышной за руки меня возьмут фэйри — Народ Холмов…

Полуденное солнце просвечивало сквозь нежную зелень листьев. Огромные деревья щедро дарили такую приятную сейчас прохладу. Над дикими цветами гудели пчелы. Теплый летний

ветер сладко пах цветущей липой. Ноги человека неслышно ступали по мягкому ковру мха.

— Добро пожаловать, пришедший с добром!

Человек поклонился выступившему из-за дерева мужчине. Мужчине, голос которого звенел, как утренний ветер. Мужчине, одеждами с которым поделились зеленые листья и папоротники. Мужчине, глаза которого были бездоннее заповедных лесных озер.

— Привет тебе, Хозяин!

— Я вижу, что кровь королей еще жива в мире людей. Это хорошо. Садись.

Фэйри указал человеку на поваленное дерево рядом с собой.

— Ты воспользовался дарованным твоему роду правом, Хаги-Арфист, внук Тиарна. Могу я узнать, почему?

Человек поковырял носком сапога землю, словно не зная, что сказать. Наконец, он решился:

— Господин, я пришел сюда за Арфой. Арфой Королей.

Где-то в кроне огромного дуба, под которым сидели двое, запел соловей. Фэйри поднял голову и застыл. То ли слушая, то ли размышляя.

— Арфа Королей… Та, что не позволила унести себя Тиарну, известному людям под именем Свершивший Невозможное. Твоему прадеду…

— Да. Именно из-за этого я решился тревожить покой Великого Леса. Из-за обещания, что было дано здесь Тиарну.

Фэйри, чуть улыбаясь, смотрел прямо в глаза человеку. Немногие выдержали бы такое, но Хаги не отвел взгляда.

— И ты считаешь, что в нем говорилось о тебе? Кто знает… А зачем тебе Арфа?

Человек встал, потом снова сел и снова встал.

— Господин, посмотри вокруг, — торопливо заговорил он, словно опасаясь, что смелость вновь исчезнет. — Твой лес стоит там же, где стоял всегда. Где будет стоять. Но тот ли это лес?

— Продолжай, — тихо сказал фэйри.

— Мир, в котором мы живем, давно не ваш, господин. Увы, боюсь, что теперь он даже не наш. К огню и железу в руках людей прибавились слова. Чуждые слова, которые произносят служители Чуждых Богов. Ты поймешь меня, потому что я знаю — было время, когда твой народ правил всей этой землей.

— Продолжай, — повторил фэйри.

Хаги глубоко вдохнул, набираясь сил:

— Мы становимся чужими на нашей земле. Наши дети так же, как и их деды, выставляют по вечерам за порог плошки с молоком для Малого Народца, но это — лишь ритуал. Ритуал без

души превращается в обязанность. Обязанность — в привычку. Привычка — в обыденность. Скажи, господин, что будет, когда исчезнет обыденность?

Фэйри не ответил.

— Я слышал, что Арфа… Если на ней заиграет человек с чистой душой и благими помыслами… она может многое изменить.

— Даже мир?

Голос фэйри был странно глух.

— Я живу на этой земле очень долго, Хаги. Ты упоминал о том времени, когда мы правили миром, и о том, что случилось потом. Потом, когда пришел человек и была сделана Арфа… Но я не стану тебя отговаривать, правнук Тиарна, носитель королевской крови. Ты пришел просить у меня Арфу — вот она.

Человек с трепетом принял из рук фэйри простой, ничем не украшенный инструмент. Рука его несмело потянулась к струнам, но тут же отдернулась.

— Ты позволишь, господин?

— Я слышал, тебе нет равных среди людских музыкантов. Играй, Хаги-Арфист. Если сумеешь…

— Но почему? *Почему?!*

Рука бессильно опустилась. Арфа легла на мох. Арфа, не издавшая ни звука.

— Я знаю, о чем ты сейчас хочешь спросить. Нет, Эвальд… наш лес, здесь ни при чем. Ни здесь, ни где во всем мире Арфа не сможет спеть ту песню, которой ты от нее ждешь.

— Но это значит… Значит уже поздно? Ничего не изменить?

— Кто знает, Хаги, кто знает… И вновь ты можешь не спрашивать. Предсказанное Тиарну сбудется…

* * *

Алые скрипки, белые кони — легче воды затерялась погоня
В вересковых холмах.
Странные, легкие, светлые тени кружатся в танце чужих сновидений
В вересковых холмах.
Белое платье, глаза синей неба — в чаще танцует одна королева
Вересковых холмов, вересковых холмов…

С деревьев, кружась, падали листья, устилая землю драгоценным янтарно-рубиновым покрывалом. Накрапывал мелкий и надоедливый, как комар, дождь. Ветер, проносясь между стволов, тянул тоскливую песню. Неожиданно к голосу ветра прибавился еще один — чуть выше, чуть громче.

Прямо на земле, прислонившись спиной к дубу-патриарху, сидел темноволосый юноша. Пальцы его задумчиво перебирали струны старенькой арфы.

— Нет, не так, не так, — время от времени бормотал он. — Лучше немного потише, медленней, а теперь…

Женщина появилась ниоткуда. Она просто была — высокая, статная красавица. В роскошных волосах — корона из кленовых листьев, в глазах без возраста — удивление пополам с восхищением. Чувства, совсем неподобающие столь древнему существу. Она стояла молча и смотрела, как темноволосый юноша учит ветер петь.

— Кто ты?

Юноша резко оборвал мелодию, оглянулся, ахнул, прикрыв рот ладонью.

— Не бойся, — сказала она, подходя ближе. — Как тебя зовут?

— Дермит Бездомный, — ответил он без всякого страха. — Потом немного подумал и спросил: — А ты — королева эльфов? Та, которую еще называют Лесной Госпожой?

Вопрос прозвучал так простодушно и наивно, что фэйри улыбнулась:

— Да, иногда меня называют и так. Ты знаешь обо мне?

— Слышал, конечно. Только… — юноша явно застеснялся.

— Только думал, что это сказки, — закончила за него она.

— Ага. Но я люблю сказки…

Говоря это, он тоже улыбнулся и посмотрел ей прямо в глаза. Сам. Посмотрел он — простой нескладный паренек, все еще по-детски горячий и порывистый, но взгляд принадлежал кому-то другому — мудрому, учтивому, благородному.

— Кто твои родители? — спросила с интересом фэйри. Дермит пожал плечами:

— Никогда их не видел. Меня вырастили чужие люди, никогда не рассказывавшие, кто я и откуда. Говорили — так лучше.

Фэйри задумчиво кивнула, понимая, что так действительно лучше.

— Постой-ка! Но если ты и впрямь — Госпожа, значит это… — только-только стало доходить до юноши. Она кивнула:

— Эльфийская пуща. Хотя люди обычно говорят — Диваколн.

На старом наречии — Тивак Калли, Мрачный Лес. Тебе по-прежнему не страшно?

Оглянувшись вокруг, Дермит помотал головой:

— Нет. И никакой он не мрачный, врут все. Тут красиво и спокойно.

— А как ты попал сюда?

— Просто так. Шел, играл, пел… — Дермит вдруг покраснел. — Про тебя.

— Про меня? Интересно, что же? Спой…

Замолчали струны. Растворился в тишине последний звук. Они сидели друг напротив друга и молчали — человек и фэйри, потомок Тиарна и Госпожа Эвальда, уходящее Старое и не нашедшее своего места Новое.

— Спасибо тебе, Дермит, — наконец нарушила молчание она. — Скажи, могу ли что-нибудь дать тебе взамен?

Юноша потупил глаза:

— Я не смею просить об этом…

— Попробуй.

— Хорошо. Когда я был совсем маленький, то особенно любил одну легенду. В ней говорилось об Арфе. Арфе Королей…

— Ты хочешь взглянуть на нее?

— Да.

— Хорошо, смотри…

* * *

Много времени прошло с той поры. Много названий сменилось у Великого Леса. Говорили, что он — последний оплот древних сил в этом мире. Говорили, что любой, осмелившийся переступить его границы, будет навсегда потерян для мира людей: человек с недобрым сердцем превратится в призрака, обреченного вечно повторять эхом любой услышанный звук, того же, чья душа чиста, увлекут в свое потаенное царство эльфы. А еще говорили, что осенью, когда в прозрачном воздухе кружатся опавшие листья, в глубине леса можно услышать прекрасные звуки арфы. Эльфийской арфы, которая учит ветер петь…

notes

Примечания

1

Здесь и далее — стихи Марии Резанцевой.